

Ю.М. Ботяков

КАВКАЗСКИЕ БУРКИ В СОБРАНИИ МАЭ

Верхняя плечевая одежда народов Кавказа — бурка — в фондах МАЭ представлена двумя экземплярами. Обе бурки были изготовлены в 1970-е годы и представляют собой поздние образцы этого вида мужской одежды. Первой в 1976 г. в фонды музея поступила бурка из лакского селения Балхар. Вторая, кабардинская, была подарена музею сотрудником отдела Средней Азии и Кавказа А.Д. Грачевым в 1978 г.

Обе бурки изготовлены из черного войлока, имеют гладкую внутреннюю поверхность и ворсистую внешнюю. Наиболее распространенным способом получения ворсистой поверхности, видимо, можно считать расчесывание скатанной войлочной бурки с помощью щетки из стеблей льна или специального гребня. Гребень представляет собой дощечку, широкую посередине и суживающуюся к концам в виде ручек. Центральная прямоугольная часть гребня усажена в несколько рядов гвоздями оstryями вверх [РЭМ. Опись колл. № 5683]. Лакская бурка (рис. 1) имеет несколько меньшие размеры, чем кабардинская. Длина ее составляет 125 см и ширина в плечах 60 см. Размеры кабардинской бурки (рис. 2) больше — длина 151 см и ширина в плечах 70 см. Обе бурки имеют подкладки, пришитые к внутренней стороне в верхней части и закрывающие плечи, спину и полы. К лакской бурке пришита подкладка из полосы серой хлопчатобумажной ткани шириной в 43 см, к кабардинской — из полосы красной хлопчатобумажной ткани шириной 55 см. При знакомстве с текстами описей, а также с самими бурками возникает ряд вопросов относительно их происхождения. К сожалению, отсутствие необходимого для анализа материала не позволяет дать на них исчерпывающие ответы. Наша задача, таким образом, сводится к постановке вопроса о происхождении рассматриваемых бурок и изложению предварительных выводов.

В первую очередь обращает на себя внимание полная идентичность некоторых их конструктивных и декоративных особенностей. Обе бурки имеют одинаковую трапециевидную форму, широкие прямые плечи со швами, а также равную длину ворса и толщину войлочной основы (0,6 см). С нашей точки зрения, наиболее примечательно то, что отмеченное сходство обеих бурок проявляет себя и в декоративном оформлении ворота. Обе бурки обшиты по вороту полосой мягкой черной кожи, а непосредственно у горловины с двух сторон пришиты треугольники из красного шелка, окантованные тонкой полоской кожи той же фактуры. Если сходство покрова бурки у различных народов Кавказа еще можно объяснить неким общим сложившимся каноном, то сходство формы накладных петель для крепления завязок, не связанных столь тесно с практикой

© Ю.М. Ботяков, 2006

Рис. 1. Лакская бурка. МАЭ. Колл. № 6748–3.

Рис. 2. Кабардинская бурка. МАЭ. Колл. № 6805–1.

тической целесообразностью и потому отличающихся обычно большим разнообразием (в чем можно убедиться, в частности, признакомстве с коллекцией бурок РЭМ), должно указывать на их происхождение из одного центра.

Сходство конструктивных (край, плотность войлока, длина ворса, приблизительно равный вес) и декоративных черт кавказских бурок может быть объяснено также тем обстоятельством, что унификация процесса их изготовления в 1970-х годах достигла столь значительного уровня, что это отразилось и на деталях декора.

Сопоставление лакской бурки (№ 6748–3) из собраний МАЭ с бурками из собраний РЭМ, которые в описях значатся как лакские, позволяет говорить об идентичности их форм. Бурка (№ 11261–3, РЭМ) трапециевидной формы выполнена из черной шерсти. Плечи прямые со швами. В верхней части имеется подкладка из серой хлопчатобумажной ткани. У ворота с каждой стороны пришито по треугольнику из красной ткани. Данная бурка была изготовлена в 1970–80-х годах. Две другие лакские (?) бурки — «Лаххай-варси» из коллекции РЭМ (№ 11288–1; 11288–2), изготовленные в 1989 г., — имеют аналогичный край и оформление ворота красными матерчатыми треугольниками.

Таким образом, достаточно четко проступает единый вариант оформления двух бурок из МАЭ и трех бурок из РЭМ, одна из которых проходит как лакская без указания места изготовления, а две другие — как лакские (?) с точным указанием места изготовления — Ботлих. С.Ш. Гаджиева, говоря о традиционном производстве бурок в Дагестане, отмечает, что самые высококачественные андийские бурки, имевшие длинный ворс, изготавливались из длинной шерсти, тогда как прочие бурки дагестанского производства обычно были безворсовыми [Гаджиева 1981: 26]. Исследователь приводит также официальную справку об основных центрах по производству бурок в Дагестане на конец XIX в., в которой кроме селения Анди упоминаются Гагатль, Рикуани, Ботлих, Ансалты и Шодроды [Гаджиева 1981: 26]. Таким образом, две «лакские» ворсовые бурки происходят из одного центра традиционного изготовления бурок в Дагестане — Ботлиха, селения, расположенного в непосредственном соседстве с Анди, и которое по этой причине вполне может быть отнесено в широком смысле к центру производства андийских бурок. Подтверждением правомочности данного суждения является, в частности, описание бурки (буртина) (№ 10057–10) из коллекции РЭМ, которая определяется в описи как «андийская ручной работы» и которая была изготовлена в Ботлихском промкомбинате [РЭМ. Опись коллекции № 10057–10]. Как представляется, своим лакским происхождением бурки РЭМ и бурка из МАЭ обязаны скорее всего этнической принадлежности своих хозяев.

Сходство отмеченных выше деталей «кабардинской» бурки с «лакскими» позволяет усомниться в ее кабардинском происхождении. К тому же, согласно точке зрения М.А. Меретукова, бурка к концу 1970-х годов уже вышла у адыгов из употребления [Меретуков 1978: 68].

Следует подчеркнуть, что у горловины бурок пришиты не петли, а именно треугольники, имитирующие петли. Е.Н. Студенецкая при составле-

нии описи коллекции (№ 8138) РЭМ выделила адыгейскую бурку, бытавшую в 1918–20-х годах, как некую переходную форму от старых колоколообразных с узкими округлыми плечами к новым, отличавшимися широкими прямыми плечами. В том числе она отметила и переходный характер застежки этой бурки. Традиционно бурка имела двойные накладки, в которых крепились завязки. Рассматриваемая ею бурка также имела обычные двойные накладки, но в данном случае они служили для прикрытия фабричных крючков [РЭМ. Опись колл. № 8138–1: 11].

Бурки из собрания МАЭ не имеют ни завязок (более ранний, традиционный вариант крепления бурок), ни крючков, пришедших им на смену. Треугольники пришиты только с внешней стороны, а не с внешней и внутренней, как это делалось обычно. Подобную деталь можно объяснить, во-первых, тем, что их изготовитель, выполнив главную часть работы, дальнейшее «оснащение» бурок застежкой как работу мелкую предоставил владельцам. В этом случае мы имеем дело с бурками, которые не носились. Это предположение подкрепляется, в частности, тем, что кабардинская и лакская бурки поступили на хранение в МАЭ в хорошем состоянии, без следов использования. Другое объяснение, с нашей точки зрения наиболее вероятное, связано с тем обстоятельством, что в указанный период бурки на Кавказе уже не используются по их прямому назначению — в качестве дорожной (походной) одежды. Необходимость жесткой фиксации бурки на теле отпала. В этом случае треугольники, пришитые на горловине, естьrudimentные детали одежды.

В этой связи представляет интерес замечание, сделанное в описи по поводу Ботлихских бурок из коллекции (№ 11288) РЭМ, о том, что они были изготовлены на заказ для участника танцевального ансамбля. Вероятно, что новые бурки из коллекции МАЭ были также выполнены для этой цели. Отметим, что на Кавказе в конце 1970-х годов национальная одежда, как правило, производилась для танцевальных ансамблей и фольклорных коллективов. В это время местные дворцы культуры становятся практически единственным местом, где эта одежда сохранялась, что в быту привело к своеобразной практике использования местным населением одежды, спитой для сцены, в традиционных обрядах. В частности, в Кабарде в 1970–80-х годах одежда для невесты, как правило, бралась на время проведения свадьбы из дворцов культуры¹.

На полах лакской бурки (№ 6748–3) МАЭ с внутренней стороны имеются вышивки, симметрично располагающиеся на углах у подола (рис. 3). Наличие вышивки говорит в пользу предположения оrudimentном характере треугольников, нашиваемых на горловину вместо петель, так как бурка после ее изготовления была подвергнута тщательной отделке. Е.Н. Студенецкая, говоря о вышивке на бурках, отмечала, что «ее характер — раскрытая ладонь, звезда и полумесяц, кувшин для омовения — указывает на то, что она имела не столько эстетическое, сколько охранно-магическое значение» [Студенецкая 1989: 84]. Вышив-

¹ Сообщение С.З. Кодзовой.

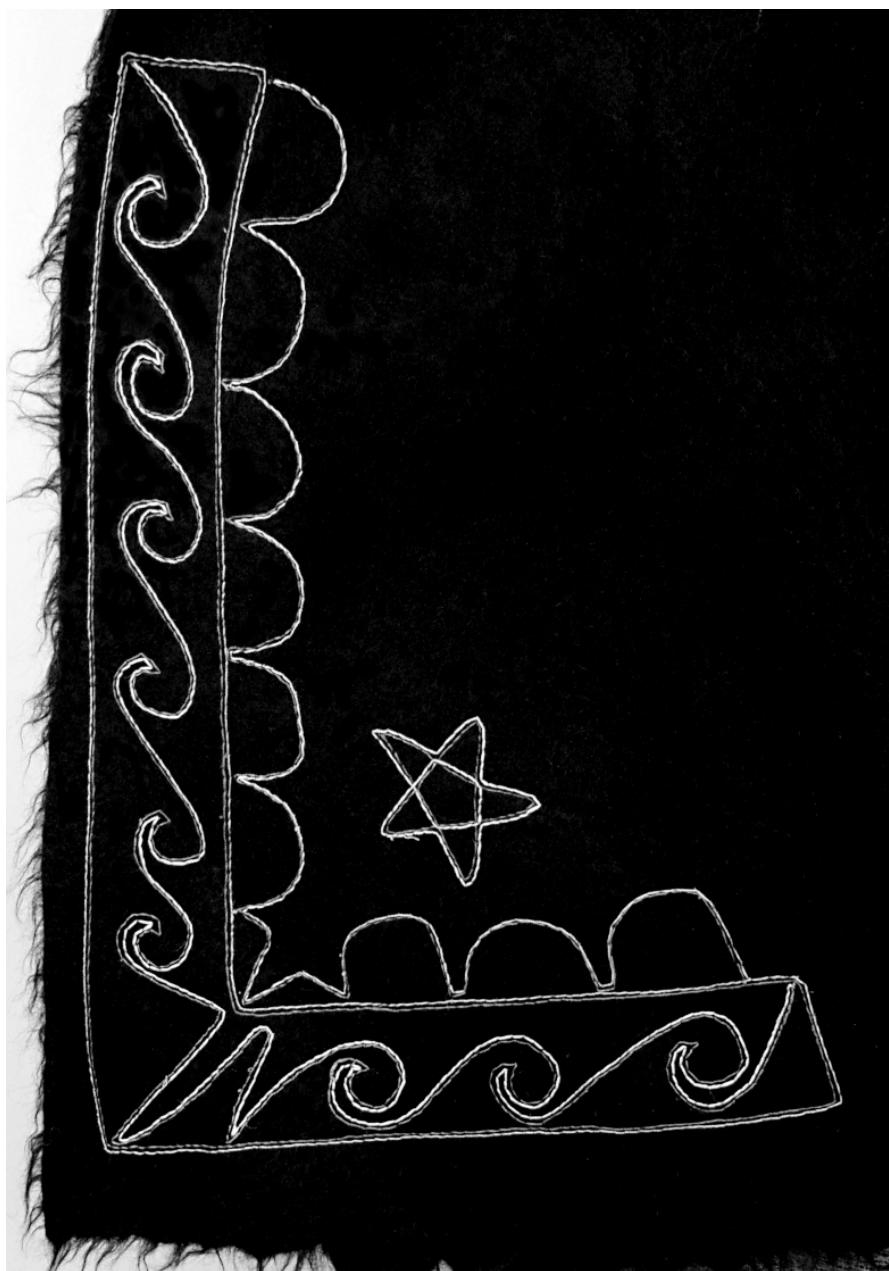

Рис. 3. Вышивка. Правая пола бурки. МАЭ. Колл. № 6748-3.

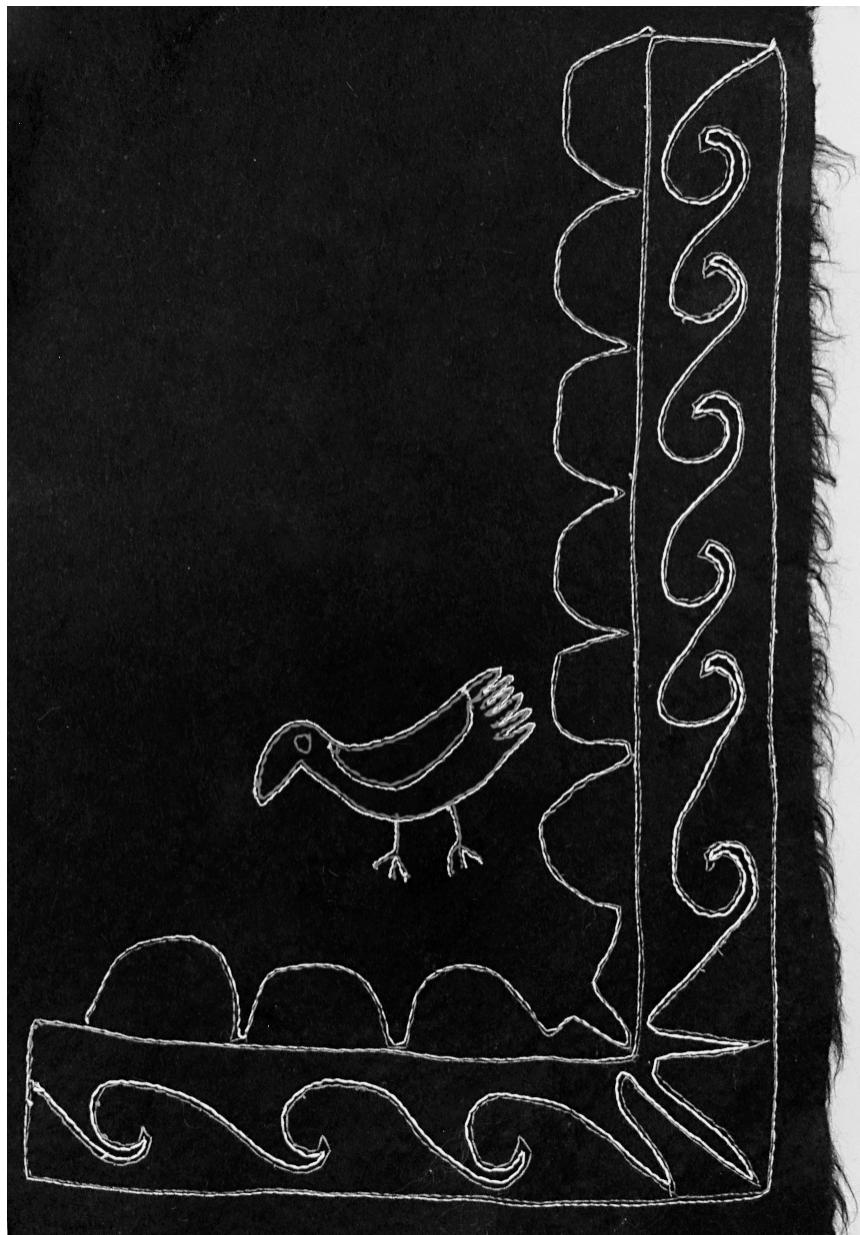

Рис. 4. Вышивка. Левая пола бурки. МАЭ. Колл. № 6748-3.

ка на лакской бурке выполнена разноцветными нитями в достаточно простой технике «с прикрепом». Центральную часть орнаментальной композиции на правой поле образует пятиконечная звезда, вышитая двумя параллельно идущими фиолетовой и розовой строчками. Звезда по внешнему краю (по разрезу и подолу) оконтурена с двух сторон ленточным орнаментом из непрерывных узоров, расположенных в один ряд.

Основными элементами этих узоров являются волнообразный завиток и полукружия. Вертикальная и горизонтальная полосы, расположенные под прямым углом друг к другу, в месте соединения имеют центральный узор, который весьма условно можно рассматривать как растительный и который располагается на одной оси со звездой. Непосредственно под звездой размещен симметрично вышитый трилистник (ветка?) и ниже — его аморфное изображение двух разновеликих листьев. Левая пола (рис. 4.) покрыта орнаментом, являющимся зеркальным отражением правого, за исключением некоторых деталей. Здесь центральную часть композиции образует вышитое изображение птицы с небольшим сложенным крылом и коротким хвостом. На одной оси с ней и ближе к ней вышит трилистник, аналогичный находящемуся на правой поле, и ниже — изображение его трех листьев. Ввиду отсутствия материала мы не можем судить, является ли изображение птицы на бурке частым явлением. Во всяком случае, это не уникальный случай, судя по тому, что на андийской бурке (№ 6093–1) РЭМ, приобретенной музеем в 1938 г., на одном углу с внутренней стороны вышиты кисть руки и в ней — небольшая птичка, а на другом углу — небольшое дерево.

Образ птицы — один из основных элементов, использовавшихся в женских украшениях у народов Дагестана, что как нельзя лучше говорит о его охранно-магической функции. Так, в частности, один из вариантов оформления женского головного убора — чухты — предполагал нашивание на его теменную часть вместо монет различных бусин в определенном сочетании «с серебряными бляхами, литыми фигурками птиц, изображениями руки» [Гаджиева 1981: 110].

Не менее показательным является в этом отношении факт использования образа птицы в качестве элемента оформления традиционного детского головного убора. Среди украшений для головных уборов мальчиков особое место занимала круглая серебряная бляха с подвесками на длинных цепочках. Ее нашивали на макушку детской шапочки в форме тюбетейки. В центре бляхи возвышалась филигранная шишечка — чаще литая фигурка птички [Гаджиева 1981: 53].

Вышеописанный орнамент на лакской бурке дает возможность обратиться к сюжету, связанному с оформлением пространства в традиционном обществе на Кавказе. Левая пола, с нашей точки зрения, маркирована женскими символами, в качестве которых можно рассматривать изображение птицы и два расположенных непосредственно друг под другом трилистника, дающих в сумме четное число. Правая половина соответственно представлена изображением звезды, а также трилистника и двулистника, который можно прочитать как таковой лишь при сравнении с подобной фигурой на левой поле. В сочетании с тем фактом, что левая половина жилища

являлась в большинстве традиционных обществ женской территорией, подобная трактовка фрагментов орнамента не является, с нашей точки зрения, противоречивой.

Разделение бурки на мужскую и женскую половины (пусть даже гипотетическое) дает нам возможность рассматривать бурку в контексте семейно-брачных отношений. Так, в кабардинской песне об Адиюх приводится описание того, как юноша похищает свою возлюбленную — девушку из каражалка (простонародья). Место, где речь идет о бурке, связано с трагической развязкой:

«На руки я беру тебя, о моя Адиюх!
Кутаю в черную бурку, о моя Адиюх!
Обнявшись, пускаемся в путь, о моя Адиюх!
Незнакомой дорогой, о моя Адиюх!..
На заре фазан вспорхнул из кустов, о моя Адиюх!
Конь метнулся — выронил тебя, о моя Адиюх!..
Не умела бурка от беды укрыть, о моя Адиюх!..
По тебе убиваюсь, плачу, о моя Адиюх!»
[Кабардинский фольклор 1936: 450].

Связь бурки с брачной сферой отчетливо прорисовывается как в обрядности, так и в фольклорных сюжетах, в том числе и пословицах: «У новобрачного шао бурка новая и походка новая» [Кабардинский фольклор 1936: 257]. В сказании об Эдиге Цагове группа кабардинцев проходит испытание — переход на коне через однобрусый мост, — которое выдержал только Эдиг. Но, прежде чем чеченская девушка станет его женой, юношу ждет завершающая стадия испытания. «Тебе, кабардинскому всаднику, осталось еще одно. Кто, бросив бурку на землю, нанесет на скаку коня два удара по концу бурки, за того и выйду, — сказала Харзанап. Эдиг, не доеzzя до бурки, наклонился в сторону и ударил так, что точно попал в указанное место» [Кабардинский фольклор 1936: 390].

Для удержания бурки на плечах, как уже отмечалось, спереди у ее ворота пришивались накладные кожаные петли. В связи с использованием бурки в сфере свадебной обрядности отметим, что «иногда лицевую сторону петли сплошь покрывали золотым и серебряным шитьем. Такие петли, заготовленные заранее, служили подарком невесты молодым родственникам мужа» [Студенецкая 1989: 84]. У чеченцев при выезде свадебного поезда родственники или односельчане невесты для получения за нее выкупа могли задержать поезд перетянутой через улицу веревкой или буркой [Межидов, Алироев 1992: 77]. Кроме того, при вводе невесты в дом у порога кладут веник и войлочный ковер, который невеста должна была аккуратно убрать с дороги и положить на это место деньги. «Раньше же к ногам невесты бросали бурку» [Межидов, Алироев 1992: 78]. В кумыкской народной песне «Участь бобыля» герой, сетуя на свою участь, в частности говорит: «У меня нет ни кола, ни двора — если я женюсь, то жене негде будет жить, разве из бурки моей сделаю для нее брачную комнату» [Кумыкские песни 1893: 37].

Нахождение мужчины и женщины под одной буркой считалось знаком их близости, о чем недвусмысленно говорит один из сюжетов о нар-

так. «Внезапно разразилась гроза с ливнем. Сосруко укрыл Адиюх своей буркой. Непобедимое желание овладеть Адиюх покорило нарта Сосруко. Без слов, беззвучно, мгновенно Сосруко познал всю сладость Адиюх, и тут обнаружил, что Адиюх была девой» [Кабардинский фольклор 1936: 22].

Подобная оценка бурки как некой территории, где происходит встреча, соединение представителей противоположных полов, находит отклик и в художественной литературе, посвященной традиционным сюжетам. Так, главный герой адыгского писателя Тембота Керашева из рассказа «Месть табунщика» говорит: «Недаром в наших сказаниях, когда герою приходилось ложиться под одной буркой с женщины, нуждающейся в его защите, он клал между собой и ею обнаженный меч» [Керашев 1982: 519]. Оказавшись под буркой вдвоем с женщиной, т.е. в условиях, подразумевающих непременное соединение, герой не может на это пойти, связанный нравственным обязательством. Меч, кинжал — оружие, обладающее большим зарядом сакральной силы, — используются героем в качестве оберега, способствующего преодолению ауры бурки.

Разделение бурки на мужскую и женскую половины дает нам также возможность рассмотреть ее в контексте традиционного жилища народов Кавказа, вход в которое оформлялся изображением руки, открытой ладони, вышиваемым на полах этой одежды. Известно, что бурка использовалась горцами не только как одежда, очень часто она заменяла им в горной местности жилье и, наброшенная на воткнутые в землю колья, играла роль заслона или палатки [Студенецкая 1989: 82]. Поэтому совсем не случайно в одной из адыгейских песен сообщается о том, что война «принудила и красавиц наших сносить бедствия и жить под навесом бурки вместо палаток» [Ногмов 1982: 88]. При этом воспринимать следует не одну лишь функциональную сторону, а целый комплекс представлений, который сопутствует понятию «дом».

В одном из кабардинских сказаний главный герой — юноша, отправившийся на поиски средств, необходимых для выплаты калыма, — встречается с известным фольклорным персонажем — маленьким всадником. Всадник спал под буркой, куда и забирается главный герой, чтобы провести ночь. Первым просыпается хозяин и обращается к незваному гостю: «Эй, вставай!» — закричал коротыш. Стащил он с юноши бурку и говорит: «Я тебя разбудил, чтобы спросить, почему тебе надоело жить на свете» [Кабардинский фольклор 1936: 299]. Таким образом, риск, которому подвергал себя юноша, ложась спать под бурку известного своей силой маленького всадника, обозначен. Но никаких трагических последствий для юноши не последовало, напротив, он попадает под покровительство этого грозного персонажа.

Аналогичным образом складываются события в лакском сказании, где уже лакскому молодцу другой персонаж — безносый человек — задает вопрос: «<...> кто ты храбрец? Как смел лечь подле меня, стреножить коня и накрыться буркою?» [Казикумухские народные сказания 1992: 47].

Как нам представляется, объяснение причины, по которой для главного героя все заканчивается благополучно, более определенно видно в нижеследующем сюжете об Инале и том же коротыше. «Когда пришло

время обеда, коротыш оставил лошадей, распряг их, чтобы и они отдохнули. Покончил он с этим, разостлал на земле бурку и улегся. Облокотившись, положил голову на правую руку. <...> Инал подбегает к жене коротыша, падает к ее ногам, и просит, и молит: «Я гость. Ради Аллаха, пощади, ради Аллаха, не допусти, чтобы он меня убил» [Кабардинский фольклор 1936: 140].

Итак, бурка, разостланная коротышом, образует его территорию, временный дом, проникнув куда, Инал просит соблюдения священного закона гостеприимства. И, как часто бывает в сказаниях, коротыш становится перед выбором: «Я дал клятву, что не оставлю за своей спиной стрелы, полагающейся на его долю. Поэтому не могу я не спустить стрелы» [Кабардинский фольклор 1936: 140]. Данное слово и закон гостеприимства удалось не нарушить, прибегнув к компромиссу: коротыш спускает стрелу в глаз Иналу, сохранив при этом ему жизнь.

В этом отношении представляет интерес описание сцены встречи в 1830 г. штабс-капитана Новицкого и двух братьев Аббатов, пользовавшихся в Шапсугии большим влиянием. Желая провести рекогносцировку на территориях, занятых враждебными России закубанскими народами, Новицкий пытался заручиться их поддержкой и представлялся им как частное гражданское лицо. «Отъехав версты две от Анапы, он увидел кучу людей, впереди которой двое лежали на бурках; при его приближении оба они встали и вместе с тем поднялись скрытые в перелесках до пятисот вооруженных черкесов.

— Аллах посыпает нам клад, — сказал Бесленей, — и мы, ничем не рискуя, получим за него хороший выкуп.

Новицкий, тем не менее, выдержав испытание, проявил себя как хладнокровный человек, и Бесленей улыбнулся, приказал разостлать бурку и, пригласив Новицкого присесть вместе с ним и братом, охотно отвечал на все его расспросы» [Эса-дзе 1993: 34]. Вероятно, можно говорить о том, что благополучному исходу своей миссии Новицкий в немалой степени обязан тому обстоятельству, что во время первой встречи с братьями Аббатами он фактически выступил в роли их гостя, получив приглашение с их стороны присесть на бурку.

Бурка осмысливается не только как дом, но и как территория в целом. Так, в одной из легенд кабардинцы, окруженные в степи врагами, «опрокинули арбы <...>, сделали завалы. Разостлали бурки на траву и на бурки высипали порох» [Цаликов 1914: 27]. Разостлать бурку и высипать на нее порох — выражение, которое не один раз используется в повествовании, — с нашей точки зрения, есть своего рода перифраз — защита своей территории. В этой связи интерес представляет также сюжет о сватовстве богатыря Нарджхью из абхазского нартского эпоса. Прибывшего в их двор Нарджхью нарты — братья Гунды Прекрасной — пытаются принять согласно этикету. Один из братьев подвел коня богатыря «к коновязи и привязал — коновязь не выдержала и вошла глубоко в землю. Нарджхью подали скамью и он сел на скамью — все ножки врезались глубоко в землю. Тогда он встал снял свою бурку, расстелил на земле и сел. Не понравилось все это нартам» [Салакая 1976: 232].

Безусловно, нартам не могла понравиться столь явная демонстрация превосходства силы их гостя. Но мы хотим обратить внимание на сле-

дующий нюанс. Нарджхъоу расстилает свою бурку на их земле. Жест в высшей степени агрессивный, захватнический. В дальнейшем, увозя Гунду к себе домой, Нарджхъоу встречается в пути с другим персонажем эпоса — Хважарпысом, который посягает на девушку. Показательны приготовления богатыря к встрече с врагом. «Нарджхъоу остановился, отвел в сторону Гунду Прекрасную, расстелил бурку, посадил ее, а сам приготовился встречать врага» [Салакая 1976: 233]. Здесь также недвусмысленно демонстрируется вся серьезность намерений Нарджхъоу защитить Гунду, находящуюся под его покровительством.

Г. Верепов, писавший в конце XIX в. о земледелии горных ингушей, вероятно, неслучайно использовал сравнение с буркой земельных участков, которые «состоят из отдельных клочков самых разнообразных форм и величин, от величины разостланной бурки до 1/4 десятины» [Верепов, Максимов 1892: 35]. Возможно, подобное сравнение возникло под впечатлением известного на Кавказе сюжета о том, как горец, прия обрабатывать свой надел, сбросил бурку и не нашел участок, пока не собрался домой и не поднял ее с земли [Потто 1994: 166]. Обычно подобный сюжет рассматривался как яркий образ малоземелья горца, нас же в данном случае в большей степени привлекает иное трактование, возникающее при сравнении с фольклорным текстом «Батраз и Нарты», где, в частности, говорится:

«Басово я мог бы поле
Под полою бурки спрятать.
Башлыком я сметаю
С неба тучи, звезд касаясь»
[Кабардинский фольклор 1936: 58].

Бурка соотносится с территорией, она обладает неким свойством определять пространство как таковое. Бурка адекватна представлению о «своей территории», «родной земле», которая может быть какой угодно — от крошечного участка земли до просторов степей среднего течения Кубани (Басово поле). Развернув бурку и разместившись на ней, горец располагался на своей территории. Свернув бурку и приторочив ее к седлу, он располагал за своей спиной свернутое пространство, которое мог вновь развернуть где-либо.

Библиография

- Верепов Г., Максимов Е. Туземцы Северного Кавказа. Владикавказ, 1892.
 Гаджиева С.Ш. Одежда народов Дагестана XIX — начало XX в. М., 1981.
 Кабардинский фольклор. М.; Л., 1936.
 Казикумухские (лакские) народные сказания // Кавказские горцы. М., 1992.
 Керашев Т. Месть табунщика // Избранные произведения. Майкоп, 1982. Т. 2.
 Кумыкские песни // СМОМК. Тифлис, 1893. Вып. 17.
 Межидов Д.Д., Алироев И.Ю. Чеченцы: обычаи, традиции, нравы. Социально-философский аспект. Грозный, 1992
 Меретуков М.А. Материальная культура адыгов // Культура и быт адыгов. Майкоп, 1978.
 Ногмов Ш.Б. История адыгейского народа. Нальчик, 1982.
 Потто В.А. Кавказская война. Ставрополь, 1994. Т. 2.
 Студенецкая Е.Н. Одежда народов Северного Кавказа. М., 1989.
 Салакая Ш.Х. Абхазский нартский эпос. Тбилиси, 1976.
 Цаликов А. В горах Кавказа. Быль, очерки и легенды. М., 1914.
 Эса-дзе С. Покорение западного Кавказа и окончание Кавказской войны. Майкоп, 1993.